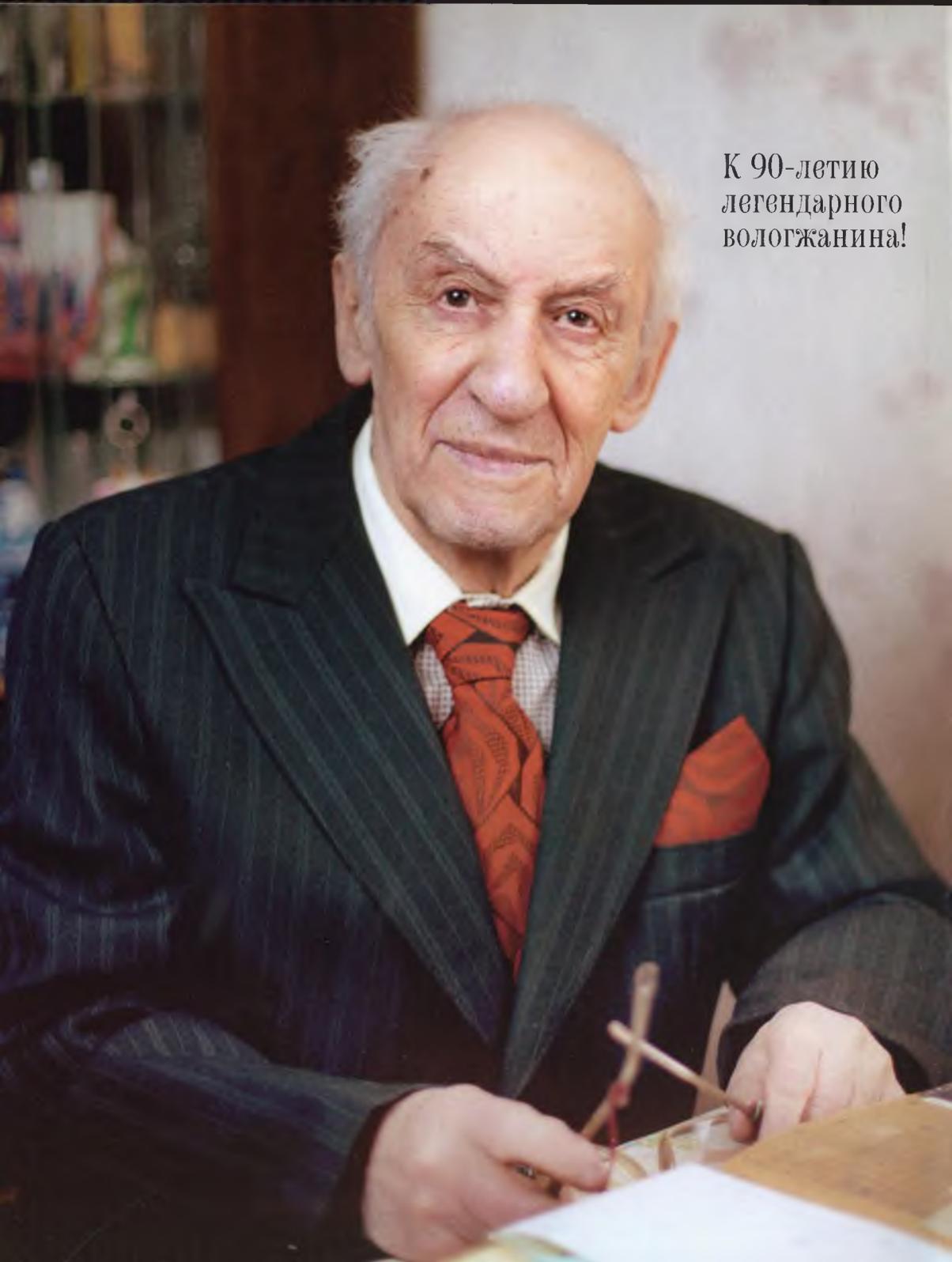

К 90-летию
легендарного
вологжанина!

Абрам Бам

НА ПАМЯТЬ О XX ВЕКЕ

*Справка
«Рандеву»*

Абрам
Наумович
Бам —
почетный
гражданин
города
Вологды,
фотограф-
художник,
создатель
фото-
летописи
города
Вологды
в лицах,
ветеран
Великой
Отечествен-
ной войны.

Седой старец с интеллигентной улыбкой. Фотограф Абрам Наумович Бам для Вологды – живая история: один Бог знает, сколько человеческих лиц прошло за его более чем полувековую карьеру фотографа в старинном фотоателье на Каменном мосту. Туда шли именно «к Баму», потому что он умел творить маленькие чудеса света и тени, и люди на его фотоснимках становились краше и благороднее, возвышеннее и одухотвореннее. Чего уж говорить о том, что даже во времена тоталитаризма совдеповской морали в стране, где «не было секса», Абрам Бам умудрялся быть певцом красоты, делая трогательные фотопортреты ню.

– Абрам Наумович, в чем ваш секрет? Почему из множества фотографов в воспоминаниях у вологжан остался Бам?

– Я любил свою работу и ее магию — делать людей красивыми. Здесь ведь есть множество технических секретов: ракурс, свет, точка съемки чуть выше или ниже — и уже совсем другое лицо. Люди любят нравиться себе на портретах. И я старался удовлетворить это вполне естественное желание. Кроме того — глаза: мне нравилось, когда человек не смотрит в объектив, это давало некую загадку, недоговоренность, интимность фотографии. Как будто человек наедине с самим собою. А еще я не любил застывшие скованные фотографии, я старался расшевелить человека перед камерой, заставить его изобразить какую-то эмоцию, делая множество ка-

дров, чтобы добиться одного-двух хороших. То, что сейчас поставлено на поток в ярких модных журналах, тогда нам приходилось искать своими путями, на ощупь.

– С чего началось ваше увлечение фотографией?

– Сразу после окончания семилетки в 1939 году я устроился учеником ретушера в фотоателье. Тогда ведь фотография была гораздо более трудоемкой наукой, за конечным результатом скрывалась кропотливая механика: выбор бумаги, проявка пленки, фиксаж, соляризация, ретушь... Много всяких секретов. Сейчас все стало проще и... ушло какое-то волшебство, тайна. Моя фотография — она осталась там, в прошлом веке.

– Ваша молодость пришлось на военное время...

– Войну я провел на разных фронтах: Волховский, Ленинградский, Прибалтийский... Работал начальником шифровального отдела. Сразу после окончания войны нас бросили в Эстонию на ликвидацию «лесных братьев». Спустя полгода нас сменили сотрудники КГБ, и война для меня закончилась. Я вернулся в свое фотоателье.

– Шифровальный отдел, «лесные братья», КГБ... Абрам Наумович, сразу возникает вопрос: как у вас с вашей фамилией и внешностью не вышло с этими материями никаких неприятностей? Ведь не секрет, что пресловутый «еврейский вопрос» в те годы был весьма актуален.

– Наверное, у меня очень сильный ангел-хранитель. Сейчас это кажется чудом, но мне просто всю жизнь везло на хороших людей. И я не столкнулся с тем, что коснулось множества еврейских семей в те времена.

– Тот же ангел уберег вас и от репрессий по поводу ваших фривольных фотографий? Ведь 60–80-е — не самое славное время для подобных экспериментов.

– Пожалуй, да. Хотя «звоночки» такого рода были: помню, подослали ко мне девушку, мы сделали красивую фотосессию с обна-

В советское время фотография не считалась видом искусства, а рассматривалась как прикладной вид деятельности или самодеятельности. Художественные музеи игнорировали фото вплоть до начала 1990-х годов. Официальная фотография в эти годы находилась под тотальным идеологическим контролем: запрещалось снимать религиозные сюжеты («религиозная пропаганда»), обнаженную натуру («порнография») и социально острые сюжеты («идеологическая диверсия»). Цензура отменяла символизм, эстетизм и любые формалистические поиски и эксперименты в фотографии.

женной натурой... Потом приходят люди в штатском, приносят эти фотографии, спрашивают: «Это ваши работы?» Я говорю: «Мои». Они мне: «Красиво. Но НЕ НАДО». Сделали скидку на то, что я тогда активно играл за честь вологодского «Динамо» – спустили дело на тормозах. А потом... Может, ветер переменился? Решили оставить фотографа с причудами в покое.

– Почему же все равно тянул вас этот «запретный плод»?

– Но ведь это красиво! А красоту нельзя запретить. Во все века художники воспевали красоту женского тела. А в XX веке эксперименты с едва зарождающейся фотографией были сродни художественным поискам. Мы искали свои грани красоты, это было очень интересно!

– У вас фотографировались практически все известные люди Вологды: арти-

сты и партийные лидеры, знаменитые врачи и учителя, фронтовики и золотая молодежь... Вы их искали, или они вас находили?

– Это была популярность «сарафанного» радио: каждый передавал другому «по знакомству» – мол, есть фотограф, который снимает красиво. И люди приходили. Но я и сам искал интересную фактуру: взять ту же историю знакомства с Эдитой Пьехой. Она приехала в Вологду на гастроли, я пришел на ее концерт, сделал несколько снимков, отослал ей – они показались ей удачными, и с тех пор, приезжая в Вологду, она непременно приглашала меня на концерты. А на свой недавний юбилей прислала мне свою парадную фотографию, которую сделал московский фотограф с применением всех новых возможностей фотошопа, и что – личико,

конечно, гладкое, как яичко, но нет в нем жизни, эмоции... Просто красивая картинка. Или история с популярной народной артисткой Татьяной Ткач – любимой женой Абдуллы из «Белого солнца пустыни» и подружки Фокса из «Место встречи изменить нельзя». Она специально приезжала в Вологду из Москвы, чтобы сняться у меня обнаженной! Помню, пришла в фотоателье в воскресенье, в рабочее время. Зашла за перегородку, разделась... А публика-то теснится, подглядывает – какая тут работа? Давайте, говорю, отложим съемки до вечера, приходите, когда мы закроемся.

– Позвольте спросить: а как жена относилась к вашему творчеству? И к работам в жанре ню в частности?

Абрам Наумович: Анна Абрамовна – мой единомышленник: она всю жизнь прора-

ботала ретушером, и фотоискусство тоже было ее хлебом. У нас общие понятия о том, что такое красота. Поэтому и не было пререканий по поводу того, что я делал: она вместе со мной разделяла мое увлечение. Мы вместе уже 52 года, у нас сын и замечательная внучка, и все, что мы в жизни делали, мы делали ВМЕСТЕ.

Анна Абрамовна: Если честно, я долгое время не догадывалась о том, что он снимает обнаженку. И, когда узнала, была несколько шокирована: я человек скромный, домашний, была далека от этого. Сначала недоумевала: «Зачем это тебе?» Ведь здесь очень тонкая грань между пошлостью и эротикой. Но он ее чувствовал. Это были его смелость, его личный маленький «подвиг» во имя искусства. Ну а уж если ему

самому это интересно, то я перечить не стала. И как жена, и как женщина я ему доверяла: он никогда не давал мне поводов для ревности. Он – художник, в этой работе он видел для себя смысл, значит, это ему нужно.

– Сейчас модные фотографии зарабатывают баснословные деньги. Как обстояло с финансовыми вопросами в то время, когда снимали вы?

– Ой, это смешная тема: тогда фотографы получали проценты от того, что наснимали. Но действовала система уравниловки – в маленьких фотоателье, где снимали меньше, были больше проценты: надо же им на что-то жить. А если ты перерабатывал и делал больше снимков, то тебе...

Специально к юбилею легендарного вологжанина в Городском Доме Культуры работает персональная выставка Абрама Бама. Вологодские пейзажи, женские и мужские образы – всего на выставке представлено 56 фотографий, сделанных в 50-70 годах.

срезали зарплату, снижая стоимость за каждый снимок! В среднем по городу было около 15% от общей заработанной суммы, я же обычно получал 6-7%. Мы не должны были получать больше, чем положено, то есть можно было снять сто фотографий по 15 копеек или же двести по 7 копеек соответственно. Вот такая социалистическая арифметика! И то, что поток людей был в нашей фотомастерской больше, потому что люди шли «к Баму», не имело никакого

значения. А о том, чтобы снимать «левые» фотосессии, вообще речи не было! Бизнесом в Советском Союзе заниматься было нельзя.

– Не обидно?

– При чем здесь это? Так все тогда жили. Я же получил гораздо больше: людскую признательность, благодарность, свои долгожданные фотовыставки... Это несоизмеримо больше, чем деньги. Главное, чтобы память осталась.

Наталья Новинская